

О ВЛИЯНИИ РЕПРЕССИЙ 1937–1938 гг.
НА БОЕВУЮ ВЫУЧКУ СУХОПУТНЫХ
ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА

Появившийся в начале 1960-х гг. тезис о том, что одной из важнейших причин поражений Красной Армии в 1941-м были массовые политические репрессии ее командного состава в 1937–1938 гг., относится к числу тех представлений о прошлом, которые наиболее укоренились в сознании как масс, так и специалистов-историков. При этом корень зла видится прежде всего в ухудшении боевой выучки армии — из-за прихода на смену хорошо подготовленным командирам подготовленных слабо. Предельно ясно эту точку зрения выразил в 1965 или 1966 гг. вероятно Г. К. Жуков: «Если сравнить подготовку наших кадров перед событиями этих лет, в 1936 году, и после этих событий, в 1939 году, надо сказать, что уровень боевой подготовки войск упал очень сильно»¹.

Тезис этот, однако, до сих пор остается бездоказательным. Никто из отстаивающих его до сих пор не подверг детальному изучению уровень боевой выучки РККА до и после репрессий и не сравнил полученные результаты.

В лучшем случае сравнивали «до-» и «послерепрессионный» процент командиров с полноценным военным образованием. Од-

¹ Симонов К. М. Заметки к биографии Г. К. Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 50.

нако — не говоря уже о том, что приводившиеся цифры были неверны² и что даже и понижение уровня образования комсостава могло быть следствием не репрессий, а увеличения в несколько раз численности армии с 1937 по 1941 г. (вынуждавшего сокращать сроки подготовки командиров), — это лишь один из множества показателей, характеризующих выучку армии.

Зачастую же обходились даже без такого сравнения — и ограничивались, например, указанием на истребление в ходе репрессий многих видных военных ученых. Но ведь (как справедливо напомнил М. И. Мельтюхов) «войска обучаются не по трудам отдельных военачальников, пусть даже гениальным, а по воинским уставам и наставлениям, которые никто не отменял...»³. Или же обходились сообщением об истреблении или изгнании из армии того или иного количества высших и старших командиров. Этот последний факт подавался как «обезглавливание армии» и подавался обычно вместе с замечанием, что для подготовки высшего командира или штабного работника оперативного звена требуются многие годы.

Но разве подготовка высшего офицера в армии начинается только после того, как выбудет из строя очередной такой офицер? Разве только после этого в военное училище зачисляется человек, из которого в течение последующих «многих лет» готовят, скажем, командира дивизии или начальника штаба корпуса? Конечно, преждевременное занятие командирами вышестоящих должностей может привести к ухудшению качества командного состава — но и такой вывод можно сделать только на основе *сравнения* этого качества до и после репрессий.

Как правило, разбираемые нами сейчас утверждения рассыпаны в виде отдельных замечаний (своего рода «реплик в сторону») на страницах работ, посвященных другим проблемам. Но бездоказательностью в интересующем нас аспекте отличаются и труды историков, которые в 1990-х гг. попытались разобрать вопрос о влиянии репрессий на состояние Красной Армии более или менее подробно, — В. А. Анфилова и О. Ф. Сувенирова.

² См.: Герасимов Г. И. Действительное влияние репрессий 1937–1938 годов на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999. № 1. С. 46–49.

³ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (документы, факты, суждения). М., 2000. С. 367.

Автор первого из этих трудов⁴ не жалеет эмоций по поводу «развала Красной Армии» и долго перечисляет недостатки в боевой выучке Красной Армии образца весны 1940 г. (с. 63–75) — но «дорепрессионное» положение дел в критикуемых им аспектах не *освещает*. А ведь те же занятия по тактике в военных училищах (до 16 марта 1937 г. — военные школы) вместо поля «велись главным образом в классе, на ящике с песком», не только после (как утверждает Анфилов на с. 69), но и до репрессий. До сих пор, подытоживал в октябре 1936 г. начальник Управления военно-учебных заведений РККА И. Е. Славин, занятия по «практическому обучению тактике» сводились в основном к тренировкам на ящике с песком и к групповым упражнениям в классе, а «занятий в поле было очень мало»⁵ ...

«Неорганизованное, а порой просто плохое» «управление подвижными частями и соединениями на маневрах» — объясненное Анфиловым на с. 65 «частой сменой командиров всех степеней в связи с массовыми репрессиями» — также было обычным и до чистки РККА. Приказ наркома обороны № 00105 от 3 ноября 1936 г. прямо констатировал, что «вопросы управления и связи «внутри мехсоединения» «остаются недоработанными»⁶. Мимо цели бьет и ссылка на заключение наркома обороны С. К. Тимошенко, согласно которому к декабрю 1940 г. «оперативная подготовка высшего командного состава» «не достигла требуемой высоты и нуждалась в дальнейшем совершенствовании» (с. 70). Ведь абсолютно то же самое отмечалось и в докладе начальника Генерального штаба РККА А. И. Егорова от 13 октября 1936 г. «Об оперативной подготовке комсостава, штабов и органов тыла»: достижения тут «являются недостаточными и далеко не совершенными»⁷ ...

Ничем не подкреплена и оценка Анфиловым репрессированных командиров как «наиболее опытных» и «самых талантливых» (с. 59, 117).

Труд О. Ф. Сувенирова⁸ (ссылки на него мы будем давать по второму изданию, вышедшему уже после смерти Олега Федото-

⁴ Анфилов В. А. Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997.

⁵ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 74. Л. 234.

⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 422. Л. 34 об.

⁷ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г. Документы и материалы. М., 2009. С. 49.

⁸ Сувениров О. Ф. Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998.

вича⁹) построен совсем иначе, но оценку последствий репрессий и этот исследователь строит в основном на эмоциях, практически не приводя серьезных аргументов. Начинает он (на с. 468) со ссылок на зарубежную печать конца 1930-х гг. (которая по определению не могла быть детально знакома с армией засекречивавшего все и вся и охваченного шпиономанией тоталитарного государства) и зарубежных историков 1960–1970-х гг. (которые также не являются здесь авторитетом, так как не имели возможности опереться при написании своих работ на материалы советских архивов). Приведя на с. 470–483 сведения о количестве осужденных высших командиров и полковников, на с. 493 автор опять изображает дело так, будто подготовка замены репрессированным началась только по окончании чистки: «За два с половиной года многое можно сделать, но подготовить не только высший, но даже средний качественный командный состав невозможно — ни теоретически, ни практически»...

Затем, на с. 492, Сувениров отсылает читателя к таблице 15 — данные которой, по его словам, «наглядно свидетельствуют», что «ни одна война ни в одной армии не открывала такого количества вакансий (особенно в высшей группе)», как репрессии 1937–1938 гг. Однако из таблицы мы видим, что в «дорепрессионном» 1936 г. количество лиц командного состава сухопутных войск и ВВС (без политсостава), повышенных по службе, было больше, чем в 1937-м (29 535 против 26 021)! По группе высшего командного состава в 1936-м было повышено в должности практически столько же лиц, что и в 1937-м (567 против 585), а по группе старшего командного состава — в 1,2 раза больше (8 960 против 7 602)! Несколько строками ниже исследователь и сам признает, что новые вакансии появились «не только в связи со значительными потерями командного состава» из-за репрессий. «Значительно большее количество новых вакансий возникло вследствие резкого возрастания численности личного состава РККА и, следовательно, формирования новых воинских частей, соединений, объединений и учреждений».

Иными словами, Сувениров противоречит сам себе и в нескольких строчках перечеркивает то, ради чего им были написаны предыдущие двадцать с лишним страниц! Но дальше, на с. 493–494,

⁹ Сувениров О. Ф. Трагедия Красной Армии. М., 2009.

продолжает настаивать, что именно репрессии нанесли по армии, «особенно по ее высшему начсоставу», «страшный полусмертельный удар», что именно из-за репрессий Красная Армия в 1941 г. отличалась «недостаточной подготовленностью старшего и особенно высшего звена» комсостава...

На с. 495–501 перепевается все то, о чем шла речь на с. 470–494, с добавлением лишь очередной ссылки на мнение иностранцев — на этот раз А. Гитлера и германского военного атташе в СССР Э. Кёстринга. То, что первый отнюдь не сравнивал «до» и «послерепрессионный» комсостав Красной Армии, а всего лишь отметил невысокий уровень «присланного» к нему советского «генерала», а второй мог составить мнение о советском комсоставе лишь по своим крайне ограниченным московским знакомствам¹⁰, в расчет не принимается...

Страницы с 501-й по 513-ю отведены под попытку обосновать тезис о «резком снижении» в результате репрессий «интеллектуального потенциала РККА». Вначале идет традиционное перечисление фамилий репрессированных военных ученых — между деятельностью которых и уровнем боевой выучки армии жесткой связи, как мы уже отмечали, нет. Затем приводятся сведения о низком профессиональном уровне «послерепрессионных» преподавателей военных академий и их низкой требовательности к слушателям — однако *сравнения* их с «дорепрессионными» не делается. А между тем о том, что преподаватели академий «ставят повышенные оценки», что «попасть в академию легко, а вот «вылететь» за непригодность крайне трудно», писали еще в 1934-м...¹¹

После репрессий, сетует Сувениров, «в академии хлынул поток людей, совершенно не созревших из-за их крайне малого общеобразовательного уровня» (с. 508), — но *сравнения* этого уровня с уровнем тех, кто учился в академиях до репрессий, опять не проводится! А между тем, как отмечал в 1932 г. возглавлявший тогда военно-учебные заведения Б. М. Фельдман, «недостаточный общеобразовательный уровень слушателей» был «большим препятствием» в работе академий и в 1924–1932 гг. То же са-

¹⁰ См.: Гиленсен В. М. Фатальная ошибка. Роль немецкой разведки в принятии А. Гитлером решения о нападении на СССР // Военно-исторический журнал. 1998. № 4. С. 30.

¹¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 1280. Л. 10, 22.

мое констатировал Фельдман и 2 июля 1934 г.: «Основными недостатками при приеме в военные академии в 1933 г. и в Военную академию имени М. В. Фрунзе в 1934 г. явились: недостаточная подготовленность кандидатов по общеобразовательным дисциплинам [...]». А К. Е. Ворошилов еще и 9 декабря 1935 г. признавал, что в академии принимают «людей неподготовленных», что эти люди «не успевают переваривать то, что им дают», что «слушатели всех академий воют, что они не успевают воспринимать, и поэтому движение вперед идет на холостом ходу»¹²...

При этом на с. 511 Сувениров опять противоречит сам себе и опять, по существу, зачеркивает все то, о чем писал на предыдущих (теперь уже сорока с лишним) страницах! Пытаясь обосновать тезис о понижении профессионализма советского комсостава в результате репрессий, он цитирует видного военного писателя русского зарубежья А. А. Зайцова, отмечавшего, что комсостав РККА «не на высоте тех требований, которые ему предъявит война». Но ведь Зайцов написал это не после 1937-го, а (как подтверждает и сам Сувениров) в «дорепресссионном» 1931 г.! При чем же тут репрессии?

Апелляции к мнению еще одного крупного военного писателя русской эмиграции, Е. Э. Месснера, заявившего в 1938 г., что в результате репрессий советский комсостав «сполз в своей интеллигентности на уровень средний между европейским и китайским» (с. 512), можно противопоставить ссылку на того же Зайцова. О том, что комсостав РККА «резко отличается от офицерского состава других современных армий» «очень низким в среднем уровне специальной и особенно общеобразовательной подготовки», Зайцов писал еще до репрессий, в 1934 г.¹³ При этом, в отличие от Месснера, не располагавшего здесь каким-либо статистическим материалом, Зайцов привел вполне конкретные цифровые данные ...

Разумеется, мнение Зайцова тоже не является истиной в последней инстанции, но суть дела остается прежней. Нужны были не *n* ссылок на утверждения не всегда компетентных современни-

¹² Там же. Ф. 62. Оп. 3. Д. 81. Л. 172; Ф. 9. Оп. 36. Д. 1321. Л. 111; Ф. 4. Оп. 16. Д. 19. Л. 94.

¹³ Зайцов А. Шестнадцать лет «РККА» // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 254.

ков и не *и* фактов, отрицательно характеризующих «послерепрессионную» Красную Армию, а детальное изучение и сравнение «до-» и «послерепрессионного» состояния этой армии.

Эту же претензию приходится предъявить и в связи с попыткой Сувенирова показать, что репрессии подорвали авторитет и моральный дух комсостава, посеяли в нем боязнь за любую ошибку быть обвиненным во вредительстве — и, соответственно, лишили так нужной командиру инициативы (с. 512–528). Опять приведенные автором факты, относящиеся к 1937–1941 гг., опять не сравниваются с «дорепрессионным» положением дел, опять априори принимается, что до репрессий все было благополучно. А между тем А. А. Зайцов, располагавший, в отличие от других зарубежных экспертов, достаточным количеством достоверной информации о РККА, аналогичный вывод сделал еще в «дорепрессионном» 1934-м.

«Полная зависимость командного состава от органов ком. партии подрывает и его престиж, и, что особенно плохо, развивает в нем инстинкт приспособляемости и стремления угодить всеильному политическому начальству. Да и как проявить самостоятельность или свободно мыслить в стране, где даже наука введена в жесткое русло «марксистско-ленинского метода» и где инакомыслие равносильно политической неблагонадежности и беспощадно и немедленно карается властью? [...] Ожидать в этих условиях проявления командным составом самостоятельности, гражданского мужества и независимости, конечно, не приходится»¹⁴.

В самом деле, тоталитарным Советское государство стало еще до 1937–1938 годов...

Та же история и с попыткой Сувенирова показать (на с. 528–539), что репрессии привели к упадку дисциплины (уровень которой влияет на ход боевой подготовки и, соответственно, на уровень боевой выучки. — А. С.). Правда, здесь, на с. 528, исследователь приводит по-настоящему серьезный аргумент — утверждение Г. К. Жукова о «страшном падении дисциплины» в результате разложения армии» репрессиями. Но этот аргумент оказывается единственным — и, соответственно, недостаточ-

¹⁴ Там же. С. 254–255.

ным. Далее опять приводятся факты, характеризующие с отрицательной стороны почти исключительно «послерепрессионную» армию. Сравнение ее с «дорепрессионной» проводится только по одному показателю — уровню аварийности в ВВС (с. 534). Однако повышение его в 1937–1938 гг. вовсе не обязательно должно было объясняться (как пишет на с. 533 Сувениров) «ростом грубейших нарушений воинской дисциплины». Уменьшение в 1937–1938 гг. количества часов налета на одно летное происшествие могло быть вызвано и другими причинами — например, объективной сложностью развернувшегося тогда перехода бомбардировочной авиации с одномоторных бипланов Р-5 на самолеты качественно иного уровня — двухмоторные скоростные машины СБ и ДБ-3, — или ухудшением производственного выполнения самолетов, поставляемых промышленностью...

Появившаяся десятилетием позже работ В. А. Анфилова и О. Ф. Сувенирова монография В. С. Мильбаха, посвященная репрессиям в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА; с июня 1938 г. — Краснознаменный Дальневосточный фронт — КДФ)¹⁵, продемонстрировала все то же нежелание применить единственно эффективную в данном случае методику исследования, а именно: детально исследовать и сравнить «до-» и «послерепрессионный» уровни боевой выучки Красной Армии. Правда, на с. 22–24 и с. 25–26 нечто похожее на попытку охарактеризовать «предрепрессионный» уровень боевой выучки ОКДВА автор предпринял. Но исследованием (и даже попыткой исследования) это назвать невозможно. Не говоря уже о том, что сведениям о боевой подготовке ОКДВА в 1936 г. уделено в общей сложности лишь две с половиной из 215 (не считая приложений) страниц текста, эти сведения представляют собой отдельные факты, из которых к тому же сделаны абсолютно нелогичные выводы.

Вначале автор сообщает о решении командования ОКДВА и ее Приморской группы все-таки провести — невзирая на занятость войск строительством, осенние маневры — и усматривает в этом решении свидетельство того, что «в 1936 г. в армии в основном положительно решались задачи по совершенствованию боевой

¹⁵ Мильбах В. С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава. 1937–1938 гг. СПб., 2007.

выучки частей и соединений». Но разве решение провести маневры равнозначно успешному выполнению задач «по совершенствованию боевой выучки»? Об этом могут свидетельствовать только итоги маневров — а о них ничего не сообщается...

Затем исследователь упоминает о проведенных в марте 1936 г. штабных и войсковых учениях, их целях и составе участвовавших в них войск — и заключает, что командование ОКДВА «уделяло внимание новым формам и методам подготовки войск и штабов». Но ведь методы боевой подготовки — это не самоцель, а лишь средство достижения цели (обеспечения высокой боевой выучки войск). А об итогах учений практически ничего не сообщается. Единственный упомянутый факт — неудача попытки приданных стрелковому полку танков и батареи пройти через горы и тайгу — на тезис о хорошей выучке дальневосточников накануне репрессий отнюдь не работает...

Далее цитируется сообщение начальника штаба ОКДВА об успешном проведении конкретного штабного учения и заключается, что начштаба «положительно оценил» «проведенные летние учения». Каким образом одно штабное учение превратилось в несколько штабных и войсковых — решительно непонятно...

И, наконец, следуют иллюстрируемые выдержками из трех документов сообщения о трех ЧП, имевших место в ходе боевой учебы, о росте числа авиакатастроф и о наличии в ОКДВА «фактов неорганизованности и нарушения дисциплины» (один из которых приведен). Но и эти четыре факта и два заключения сами по себе еще ни о чем не говорят — и уж однозначно не свидетельствуют в пользу авторского тезиса о высокой боеспособности «предрепрессивной» ОКДВА.

То есть вместо детального исследования уровня выучки командиров, штабов, одиночного бойца и подразделений и уровня боеготовности войск — менее десятка бессистемно надерганных фактов из жизни ОКДВА и примерно столько же бездоказательных выводов. Вместо обращения хотя бы к приказу командующего ОКДВА № 00337 от 14 ноября 1936 г. (в котором прямо сказано, что «ОКДВА к концу 1936 г. неудовлетворительно решила обе задачи: и боевую подготовку, и строительство» и что комиссия замнаркома обороны Я. Б. Гамарника констатировала «совершенно недостаточные успехи боевой подготовки войск армии в 1936 году и понижение боеготовности войсковых частей и соедине-

ний армии в результате огромного выделения личного состава на строительство»¹⁶) — указание на награждение в январе 1937 г. ряда командиров орденами за успехи в боевой подготовке их частей и соединений... Но ведь известно, что ордена в СССР часто давали не по заслугам, а по разнарядке, в зависимости от личных пристрастий и т. д. О реальных «заслугах» упомянутого Мильбахом в числе ставших орденосцами командира 62-го стрелкового полка полковника И. В. Заикина мы уже писали...¹⁷

Поскольку уровень боевой выучки ОКДВА накануне репрессий Мильбахом не исследован, его утверждения об ухудшении тех или иных сторон этой выучки в результате репрессий (содержащиеся в главе 8 его труда) являются такими же голословными, что и аналогичные заявления его предшественников. Логические построения — вроде того, что, «учитывая значительные потери в среде тех, кто должен был организовывать разведку [...] и непосредственно в среде разведчиков», «можно утверждать, что уровень организации разведки и проведения разведывательных мероприятий к осени 1938 г. значительно снизился» (с. 189–190) или что возросший из-за репрессий некомплект комначсостава, «естественно», «отрицательно сказался» на боеспособности войск (с. 175), — на роль аргументов не тянут. Теоретически все это естественно, но при изучении истории довоенного СССР и его армии теория помогает далеко не всегда: и тот, и другая были «экспериментальными», плодами эксперимента по построению общества, какого еще не знала история. Теоретически офицером артиллерии или инженерных войск в XX в. не мог стать человек, не окончивший ни одного класса общеобразовательной школы, — но среди принятых в 1929 г. в артиллерийские и инженерные школы РККА таких было соответственно 16,5% и 8,5%! Ведь «в классовом отношении (рабочие, батраки, бедняки)» эта группа лиц для «рабоче-крестьянской» армии «являлась ценной»...¹⁸

Еще можно было понять, когда голословными утверждениями о том, что «чистка разрушила систему обучения солдат и офи-

¹⁶ РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 836. Л. 204, 207.

¹⁷ Смирнов А. А. [Рец.:] Мильбах В. С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб., 2007 // Русский Сборник. Т. VI. С. 330.

¹⁸ РГВА. Ф. 7. Оп. 14. Д. 3. Л. 30 об., 31.

церов и командования частями ОКДВА» и способствовала «понижению» «боеготовности и боеспособности войск», бросался польский исследователь Я. Войтковяк¹⁹. Ведь он все-таки ограничивал свою задачу изучением собственно чистки командного состава ОКДВА. Но тут никаких серьезных аргументов не смог привести историк, прямо задавшийся целью выяснить степень влияния репрессий на боеспособность ОКДВА/КДФ...

Элементарные требования методологии и элементарную логику нарушил и В. О. Дайнес (представитель той же школы советских военных историков, что и В. А. Анфилов и О. Ф. Сувениров), дошедший уже до откровенных подтасовок. Чтобы убедить читателя в высоком уровне выучки РККА накануне репрессий, он выборочно цитирует источник — приказ наркома обороны № 00105 от 3 ноября 1936 г. об итогах 1935/1936 учебного года (путая его к тому же с изданным в тот же день приказом № 0106²⁰). Выживая только сообщения об успехах, Дайнес игнорирует указания на недостатки — а их в приказе было немало! Желая обосновать тезис об ухудшении выучки РККА из-за начала массовых репрессий и приводя неутешительные признания отчета Ленинградского военного округа об итогах боевой подготовки за 1936/1937 учебный год, исследователь опять не сравнивает их с сообщениями источников «предрепрессионного» периода...²¹

Начиная с рубежа XX–XXI вв. стали появляться и работы, ставившие под сомнение или вовсе опровергавшие тезис об ухудшении боевой выучки и боеспособности Красной Армии в результате репрессий 1937–1938 гг. Первопроходцем здесь стал Г. И. Герасимов, с цифрами в руках опровергший представление о понижении уровня военного образования советского командного состава после репрессий — и выявивший, в частности, что процент окончивших военные академии после чистки РККА да-

¹⁹ Войтковяк Я. Чистка среди командно-начальствующего и политического состава Особой Краснознаменной Дальневосточной армии и Дальневосточного Краснознаменного фронта. 1937–1938 гг. // Военно-исторический архив. Вып. 15. М., 2000. С. 108, 111.

²⁰ См.: Дайнес В. О. Бронетанковые войска Красной Армии. М., 2009. С. 64 (автор дает ссылку на: РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 8. Л. 143. Ср.: Там же. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 422. Л. 33–36; Д. 427. Л. 113–124).

²¹ Дайнес В. О. Указ. соч. С. 64, 66.

же вырос²². В ряде наших работ 2000–2011 гг. было в общих чертах показано, что «предрепрессивный» уровень боевой выучки войск трех самых крупных советских военных округов (Киевского, Белорусского и ОКДВА) был ничуть не выше, чем после пика репрессий (в боях на Хасане) и по окончании репрессий (в советско-финляндской войне)²³. К точно такому же выводу — о том, что «истребленные кадры были «так же компетентны, или, точнее сказать, малокомпетентны, как и те, кто остался на свободе», — пришли исследовавшие уровень боевой выучки советского подводного флота до и после 1937–1938 гг. М. Э. Морозов и К. Л. Кулагин²⁴. (Они, правда, добавили, что нанесенный чисткой «удар по политико-моральному состоянию армии» «добил систему подготовки кадров, развалил боевую подготовку и дисциплину»²⁵. Но это утверждение основано лишь на флотском материале и вообще требует, на наш взгляд, более солидной аргументации, чем та, которую привели исследователи.)

Наконец, в вышедшей в 2011 г. нашей монографии о влиянии репрессий на боевую выучку Красной Армии²⁶ было проведено детальное сравнение уровня боевой выучки сухопутных войск Красной Армии в период между началом массовых репрессий и началом Великой Отечественной войны (т. е. во второй половине 1937 — первой половине 1941 г.) и в «предрепрессивный»

²² Герасимов Г. И. Указ. соч. С. 46–49.

²³ Смирнов А. А. Большие маневры // Родина. 2000. № 4. С. 86–93; Он же. К бою — не готовы. Армия маршала Блюхера накануне 1937 года // Родина. 2000. № 9. С. 74–78; Он же. О влиянии чистки Красной Армии в 1937–1938 гг. на действия советских войск в боях у озера Хасан // Русский Сборник. Исследования по истории России. Т. VI. М., 2009. С. 217–254; Он же. [Рец.:] Мильбах В. С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). С. 325–340; Он же. Боевая выучка комсостава РККА накануне чистки 1937–1938 гг. и в Польском походе 1939 года // Июнь 1940-го. Бессарабия и Северная Буковина в составе СССР. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2010. С. 215–229; Он же. Об истинных причинах нехватки инициативы у комсостава Красной Армии после репрессий 1937–1938 гг. // Пространство и Время. 2011. № 1 (3). С. 79–87.

²⁴ Морозов М. Э., Кулагин К. Л. Советский подводный флот 1922–1945 гг. О подводных лодках и подводниках. М., 2006. С. 419–420.

²⁵ Там же. С. 423. Ср.: С. 420–422.

²⁶ Смирнов А. А. Крах 1941 — репрессии ни при чем! «Обезглавил» ли Сталин Красную Армию? М., 2011.

период (в 1935 — первой половине 1937 г. Верхнюю границу этого периода мы приняли исходя из того, что 1935-й был годом знаменитых Киевских маневров, которые принято оценивать как достижение довоенной Красной Армией вершины своего могущества²⁷).

При этом за рамками исследования была оставлена кавалерия (за исключением входивших в ее состав танковых частей). Ведь боевое значение сабельных подразделений, которые составляли ядро кавалерии, в условиях Европейского театра военных действий в 1930–1940-е гг. непрерывно уменьшалось. А при изучении уровня выучки «предрепрессионной» РККА мы привлекли материалы прежде всего по трем самым мощным группировкам РККА — Киевскому (КВО) и Белорусскому (БВО) военным округам и ОКДВА (в которых в 1935 — первой половине 1937 г. дислоцировалось от 43 до 47% советских стрелковых дивизий и от 50 до 60% механизированных и тяжелых танковых бригад).

Изучение уровня выучки «предрепрессионной» РККА было основано нами на материалах РГВА.

Это, во-первых, материалы проверок хода боевой подготовки частей и соединений их командованием, представителями вышестоящего штаба или центральных управлений РККА, отраженные как в актах проверок и докладах о маневрах и учениях, так и в приказах по частям, соединениям, округам и в приказах наркома обороны.

Это, во-вторых, политдонесения, направлявшиеся в вышестоящие политорганы политработниками, и донесения работников особых отделов. Эти документы — к сбору материала для которых привлекались командиры и другие специалисты — также содержат информацию о ходе и результатах боевой подготовки и если и приукрашивают истинное положение, то ненамного. Ведь, хоть политработники и несли прямую ответственность за боевую подготовку и ее результаты, их статус «надзирающих» за командным и техническим составом ставил их в позицию пусть не стороннего, но все же несколько отстраненного наблюдателя. Особисты же прямо были нацелены на выявление реальной картины жизни армии...

²⁷ См.: Анфилов В. А. Вермахт воевал по советским разработкам? // Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 30.

В-третьих, были привлечены протоколы разного рода армейских совещаний, а также партийных и комсомольских собраний и партконференций — обсуждение проблем боевой подготовки на которых носило исключительно деловой и откровенный характер.

По ОКДВА сохранились и были использованы и аналитические материалы, составленные работниками армейского штаба, а также донесения о боях с японцами, в которых участвовали в 1936–1937 гг. войска ОКДВА.

Документы, составленные заинтересованными лицами, — ежегодные отчеты командования округов и ОКДВА об итогах боевой подготовки — были использованы лишь как источник информации о недостатках в боевой подготовке. Ведь если в таком отчете все-таки упомянуто о каких-либо изъянах, то можно не сомневаться, что эти изъяны действительно имели место (причем, скорее всего, в куда большем масштабе) ...

Проверить правомочность распространения выводов по трем округам на всю РККА позволили стенограммы заседаний Военного совета при наркомате обороны (подводивших итоги учебного года), аналитические доклады и директивы заместителя наркомата обороны М. Н. Тухачевского и начальника 2-го отдела Штаба РККА (с 22 сентября 1935 г. — 2-й отдел Генерального штаба РККА, а с 9 апреля 1936 г. — Управление боевой подготовки РККА (УБП РККА)) А. И. Седякина и приказы, директивы и директивные письма наркомата обороны К. Е. Ворошилова и начальника Штаба РККА (с 22 сентября 1935 г. — Генеральный штаб РККА) А. И. Егорова.

Для изучения же «послерепрессионного» уровня боевой выучки мы — ввиду крайней трудоемкости «поднятия» архивного материала по армии, выросшей с июня 1937 по июнь 1941 г. в несколько раз, — ограничились опубликованными источниками и фактическим материалом, введенным в научный оборот исследователями. Среди опубликованных источников имеются:

- приказы наркомата обороны,
- материалы заседаний Военного совета при наркомате обороны и других армейских совещаний на высшем уровне,
- приказы высшего, фронтового и армейского командования периода советско-финляндской войны и
- аналитические материалы Генерального штаба и армейских штабов.

Характеристика уровня боевой выучки армии складывалась из характеристик уровня выучки:

а) *командиров и штабов* и б) собственно войск (т.е. *одиночного бойца и подразделений* — отделений, взводов, рот, батарей, стрелковых батальонов и артиллерийских дивизионов).

В качестве критериев оценки уровня выучки *командиров и штабов стрелковых и танковых соединений* (являвшихся фактически *общевойсковыми*, т.е. объединявшими части нескольких родов войск), *стрелковых и танковых частей* и составлявших основу этих соединений и частей *пехотных и танковых подразделений* были приняты:

а) **уровень оперативно-тактического мышления** (т.е. степень умения принимать адекватные решения в условиях военных действий 1930–1940-х годов — отличавшихся широким применением автобронетехники, авиации, радиосвязи и, следовательно, динамичностью, напряженностью, быстрыми изменениями обстановки, изобилующих кризисными ситуациями (иными словами, степень умения применять смелый маневр, быстро и адекватно реагировать на частые изменения обстановки, проявлять инициативу);

б) степень умения организовать в бою (операции) **взаимодействие различных родов войск**;

в) степень умения организовать все виды **обеспечения боевых действий** — тыловое, инженерное, разведку;

г) степень умения осуществлять непрерывное **управление войсками** в ходе боя (операции) — т.е. владеть командными навыками, техникой штабной работы, умело организовывать связь.

Оценка уровня выучки *командиров и штабов артиллерии, инженерных войск и войск связи* складывалась из оценок уровня их:

а) специальной выучки (**стрелково-артиллерийской и технической** у артиллеристов и **технической** в инженерных войсках и у связистов) и б) **тактической выучки**.

А оценка уровня боевой выучки *войск* — из оценок уровня:

- для пехотинцев — **тактической** (включая сюда и неразрывно связанные с действиями бойца в бою элементы **инженерной**) и **огневой** выучки,
- для танкистов — **тактической, огневой и технической** выучки,
- для артиллеристов, саперов и связистов — **специальной** выучки.

Ни по одному из этих критериев ухудшения боевой выучки с 1935 — первой половины 1937 г. по начало 1941 г. нами не выявлено. Ввиду ограниченности объема статьи приведем здесь только основную информацию, только по 1936 — началу 1937 г. и по концу 1940 г. и не затрагивая войска связи и инженерные, а также рядовой состав и подразделения артиллерии.

1. КОМАНДИРЫ И ШТАБЫ

А. Общевоинские, пехотные и танковые

Оперативно-тактическое мышление. Уровень, на котором находились тут к концу 1940 г. командиры соединений и объединений, охарактеризован в директиве наркома обороны № 503138/оп от 25 января 1941 г. «Об итогах и задачах оперативной подготовки высшего командного состава Красной Армии»²⁸. А уровень тактического мышления командиров частей и подразделений — в приказе наркома № 0306 от 6 ноября 1940 г. о результатах осенних смотровых учений в 6 из 17 тогдашних военных округов и фронтов (а отчасти — и в выступлениях начальника Генерального штаба Красной армии К. А. Мерецкова и командующего войсками КДФ Г. М. Штерна на совещании высшего руководящего состава Красной Армии 23–31 декабря 1940 г.)²⁹.

Из всех отмеченных в этих документах изъянов оперативно-тактического мышления командиров источники по «предепрессионному» периоду не фиксируют только неумение высшего комсостава определить «центр усилий» на различных этапах

²⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 224–225.

²⁹ Там же. С. 194; Там же. Т. 12 (1). М., 1993. С. 16, 82.

операции (однако не упоминают и о достижениях в этом вопросе)³⁰.

Взаимодействие различных родов войск. Основная практическая работа по осуществлению такого взаимодействия должна была выполняться командирами стрелковых батальонов. Как дали понять, выступая на декабрьском совещании, генерал-инспектор пехоты Красной Армии А. К. Смирнов и командующий 6-й армией Киевского особого военного округа (КОВО) И. Н. Музыченко, к концу 1940-го советский пехотный комбат был в этом отношении «малограмотным», а «порой и неграмотным командиром». Соответственно (как подытожил на том же совещании начальник Управления боевой подготовки Красной Армии (УБП КА) В. Н. Курдюмов), «в организации взаимодействия родов войск на местности достигнуты [лишь. — А. С.] первоначальные успехи»³¹.

Но в докладе от 7 октября 1936 г. «О боевой подготовке РККА» М. Н. Тухачевский констатировал то же самое, что и Курдюмов и Музыченко: в вождении стрелкового батальона во взаимодействии с другими родами войск успехи достигнуты лишь «первоначальные и непрочные», на незнакомой местности или на неотрепетированном заранее учении действия комбатов «зачастую выглядят неграмотными»³².

На уровнях выше батальонного основную работу по организации взаимодействия родов войск осуществляют штабы. Эта организация, отмечал приказ наркома № 0306 от 6 ноября 1940 г., есть «слабое место для всех штабов»³³. А директива наркома № 503138/оп от 25 января 1941 г. вообще констатировала, что войсковые штабы и армейские и фронтовые управления «не умеют организовать взаимодействие родов войск», «особенно в ходе боя и операции» (а не только перед их началом. — А. С.)³⁴.

Однако, согласно директивному письму начальника Генерального штаба РККА А. И. Егорова от 27 июня 1937 г. коман-

³⁰ Подробнее см.: Смирнов А. А. Крах 1941 — репрессии ни при чем! С. 406–412.

³¹ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). С. 31, 35, 58.

³² РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4227. Л. 32–33.

³³ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 194.

³⁴ Там же. С. 224–225.

дующим войсками военных округов и ОКДВА, «взаимодействие штабов стрелковых батальонов со штабами арtdивизионов» в РККА было «не отработано» и тогда³⁵. А новый командующий войсками КВО И. Ф. Федько обнаружил (и зафиксировал в своем приказе № 0100 от 22 июня 1937 г.), что в этом самом передовом военном округе «для выполнения задач по [...] организации взаимодействия родов войск» были тогда «слабо» подготовлены «штабы всех родов войск»³⁶. Что же до армейских и фронтовых управлений, то директива наркома обороны № 22500сс от 10 ноября 1936 г. «Об итогах оперативной подготовки за 1936 год и о задачах на 1937 год» зафиксировала, что «взаимодействие основных родов войск» «находится еще не на должной высоте», причем «во взаимодействии наземных войск во многих случаях отсутствует [даже. — А. С.] план действий, увязанный по рубежам и по времени»³⁷. Последнее означает то же самое, о чем говорит январская директива 1941-го: армейские и фронтовые управления не умели организовать взаимодействие родов войск...

Обеспечение боевых действий. Разведка и охранение «всех видов», отметил на декабрьском совещании 1940-го В. Н. Курдюмов, являются «наиболее слабым местом в подготовке комсостава»³⁸. «Во всех штабах, — конкретизирует эту оценку приказ наркома № 0306 от 6 ноября 1940 г., — плохо организуется разведка и наблюдение за полем боя. Полученные от разведки данные штабы не умеют обобщать и не делают должных выводов», а пехотные командиры «организовать разведку и наблюдение за полем боя» вообще «не умеют»³⁹.

Кроме того, констатировалось в директиве наркома № 503138/оп от 25 января 1941 г., войсковые штабы и армейские и фронтовые управления «не овладели прочно искусством обеспечивать операцию материально-техническими ресурсами и умело организовать армейский и фронтовой тыл»⁴⁰.

³⁵ РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 203. Л. 60.

³⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 2611. Л. 249 об. (1 об.).

³⁷ РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 202. Л. 12 об. — 11 (листы дела пронумерованы по убывающей).

³⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). С. 35.

³⁹ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2-1). С. 194.

⁴⁰ Там же. С. 225.

И вновь ничего нового! «Разведка остается слабым местом подготовки большинства частей и соединений, — значилось в приказе наркома обороны № 00105 от 3 ноября 1936 г. «Об итогах боевой подготовки за 1936 год и задачах на 1937 год». [...] Тыл остается наиболее слабым местом в боевой подготовке РККА»⁴¹. То же и на уровне объединений. «Разведка и обеспечение является наиболее слабым звеном во всех видах боевой подготовки», — констатировала директива наркома № 22 500сс от 10 ноября 1936 г. «Об итогах оперативной подготовки за 1936 год и о задачах на 1937 год»; «отсутствует планирование тылом [так в документе. — А. С.]»⁴². «Во всех штабах слабы практические навыки в деле организации ближней разведки и особенно разведки поля боя»; обработка штабами полученных от разведки данных ведется «медленно и недостаточно умело»⁴³ — так в 1936 г. обстояли дела даже в передовом КВО. Причем это формулировки из его собственного годового отчета от 4 октября 1936 г. об итогах боевой подготовки, а реальная картина могла, видимо, быть охарактеризована и теми же словами, что и четыре года спустя, — разведка организуется плохо, обобщать и делать выводы не умеют...

По документам, характеризующим войска КВО, БВО и ОКДВА, хорошо просматривается и неграмотность, которую проявляли в 1936 г. в деле организации разведки пехотные командиры⁴⁴.

Согласно директивному письму А. И. Егорова от 27 июня 1937 г., штабы «были слабо подготовлены по вопросам тыла» и перед самым началом чистки РККА⁴⁵. (О степени умения организовать разведку в этом документе не говорится.)

Управление войсками. На уровнях ниже батальонного оно осуществлялось непосредственно командирами подразделений, но командиры и рот, и взводов, и отделений, отмечал на де-

⁴¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 422. Л. 34 об., 35 об.

⁴² РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 202. Л. 12–11 (листы дела пронумерованы по убывающей).

⁴³ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 1759. Л. 73, 82–83.

⁴⁴ Подробнее см.: Смирнов А. А. Крах 1941 — репрессии ни при чем! С. 423–424.

⁴⁵ РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 203. Л. 60.

кабрьском совещании 1940 г. В. Н. Курдюмов, «командирских навыков», «как правило», не имеют⁴⁶. И действительно, осеннее инспектирование шести округов выявило, что «не освоено управление взводом и ротой в наступательном бою»⁴⁷.

Что же касается выучки таких органов управления войсками, как штабы, то осеннее инспектирование 1940-го показало, что:

- «подготовка штабов корпусов и дивизий — слабая»,
- «подготовлены слабо и не слажены» также и штабы танковых соединений и частей и — «особенно плохо подготовлены штабы стрелковых полков и батальонов»⁴⁸.

Эти общие оценки конкретизировала директива наркома № 503138/оп от 25 января 1941 г., отметившая, что «войсковые штабы, армейские и фронтовые управления»:

- плохо сколочены,
- «не овладели высокой культурой штабной службы»,
- «не имели твердых навыков в подготовке справок и расчетов, необходимых командиру для принятия решения»,
- «не умели обеспечить непрерывность управления в ходе операции»⁴⁹.

Но то, что «командир нетвердо управляет и командует частью в тактической обстановке», что у него нет элементарных командирских навыков (топографическая грамотность «слабая», командный язык «нечеток»), — это констатировалось и в директивном письме А. И. Егорова от 27 июня 1937 г.⁵⁰ Поскольку термином «часть» в РККА в те годы обозначались иногда и подразделения, а тот раздел письма, откуда взята цитата, был посвящен не только старшему, но и среднему комсоставу, можно полагать, что фраза относилась и к командирам подразделений — а возможно, и прежде всего к ним. Источники, освещающие тогдашний уровень выучки комсостава КВО, БВО и ОКДВА, это полностью подтверждают⁵¹. А «тактическая подготовка младшего

⁴⁶ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). С. 36.

⁴⁷ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). С. 193.

⁴⁸ Там же. С. 194.

⁴⁹ Там же. С. 225–226.

⁵⁰ РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 203. Л. 62–60 (листы дела пронумерованы по убывающей).

⁵¹ Подробнее см.: *Смирнов А. А. Крах 1941 — репрессии ни при чем!* С. 430.

командира страдает теми же недочетами. что и подготовка среднего и старшего командира»⁵².

Неумение командиров взводов и рот управлять подразделениями «в наступательном бою» проявлялось и на Белорусских маневрах в сентябре 1936 г. — где, вместо того чтобы «сочетать огонь и движение», т. е. чередовать перебежки с залеганием, подготавливать и прикрывать каждый бросок вперед огнем, отделения, взводы и роты демонстрировали простое «движение вперед»⁵³.

«Войсковые» же «штабы, армейские и фронтовые управления» — как значилось в директиве наркома № 22500сс от 10 ноября 1936 г. — к тому времени тоже «не научились правильно организовывать управление в подвижных фазах операции» (т. е. «обеспечить непрерывность управления в ходе операции». — А. С.) и налаживать взаимодействие внутри штаба (т. е. были плохо сколочены. — А. С.)⁵⁴. «Недостаточность увязки и взаимодействия в работе между главнейшими отделениями штабов» своих соединений признали даже составители «парадного» годового отчета КВО от 4 октября 1936 г.⁵⁵ Как явствует из доклада М. Н. Тухачевского от 7 октября 1936 г. «О боевой подготовке РККА», именно по вине штабов управление стрелковыми соединениями (т. е. корпусами и дивизиями) находилось в 36-м «на неудовлетворительном уровне»⁵⁶.

«Штабы полков, батальонов, артдивизионов», констатировалось в письме А. И. Егорова от 22 июня 1937 г., «как органы управления боем не сколачивались» (и, следовательно, были подготовлены так же «плохо», как в конце 1940-го. — А. С.) и в первой половине 1937-го⁵⁷.

«Высокой культурой штабной службы» войсковые штабы ОКДВА (как признал даже отчет штаба самой этой армии от 18 мая 1937 г.) и два из трех освещаемых источниками войсковых штаба передового КВО не обладали и перед началом массо-

⁵² РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 203. Л. 59.

⁵³ РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 213. Л. 45.

⁵⁴ РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 202. Л. 11 и об.

⁵⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 1759. Л. 72.

⁵⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4227. Л. 35–36.

⁵⁷ РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 203. Л. 62–60 (листы дела пронумерованы по убывающей).

вых репрессий⁵⁸. Думається, это показательно для всей тогдашней РККА.

Штабы танковых частей и соединений были «слабо» подготовлены еще и к концу 1936 г. Ведь, как подчеркивалось в приказе наркома № 00105 от 3 ноября 1936 г., «вопросы управления и связи как внутри танкового батальона [т. е. танковой части. — А. С.]», «так и внутри мехсоединения» «остались «недоработанными»⁵⁹. Штаб ОКДВА — предшественницы КДФ, где осенью 1940-го была та же картина, — в своем годовом отчете от 30 сентября 1936 г. прямо признал, что «подготовка штабов мехчастей и особенно танковых б[атальо]нов стрелковых дивизий в большинстве неудовлетворительная»⁶⁰.

Что до «неслаженности», то БВО, располагавшем четвертью всех тогдашних советских мехбригад и притом передовом, сколоченность штабов танковых соединений была (согласно годовому отчету округа от 15 октября 1937 г.) «нечеткой» и к моменту начала чистки РККА⁶¹.

Б. Артиллерийские

Стрелково-артиллерийская выучка. Проверив в ноябре 1940 — январе 1941 г. комсостав 24 артиллерийских полков 6 военных округов, Инспекция артиллерии Красной Армии выявила, что командиры и огневых взводов, и батарей, и дивизионов «плохо» знают теорию стрельбы и правила стрельбы. В 15 полках из 24 комсостав получил по стрелково-артиллерийской подготовке «плохо», а в остальных — «посредственно»⁶². Г. М. Штерн и начальник артиллерии КДФ Н. А. Клич на декабрьском совещании 1940-го вообще говорили об «очень низкой степени» стрелково-артиллерийской выучки командиров-артиллеристов⁶³.

Конкретно это означало, что простыми стрельбами овладели «удовлетворительно», но стрельбы в сложных условиях (но-

⁵⁸ РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 584. Л. 27 и об.; Ф. 900. Оп. 1. Д. 269. Л. 43, 58.

⁵⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 422. Л. 34 об.

⁶⁰ РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 583. Л. 8.

⁶¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 2529. Л. 176–177.

⁶² Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). С. 234–235.

⁶³ Там же. Т. 12 (1). С. 82–83, 89.

чью, в дыму и вообще «в условиях пониженной видимости», в горах) «в большинстве артиллерийских частей отработаны плохо»⁶⁴.

Однако теорию стрельбы — согласно докладу помощника начальника 2-го отдела штаба армии В. Нестерова от 8 ноября 1936 г. «О подготовке артиллерии ОКДВА в 1936 году» — в крупнейшей группировке РККА «плохо» знали и тогда⁶⁵. В двух из трех полевых артполков БВО, по которым сохранились материалы проверок за 1936 г., комсостав тоже либо плохо знал правила стрельбы, либо недостаточно умел применять аналитический метод пристрелки (т. е. плохо знал теорию стрельбы. — А. С.)⁶⁶. Еще и в первой половине 1937-го, ведя стрельбу в сложных условиях, командиры-артиллеристы ОКДВА — по данным отчета штаба этой армии от 18 мая 1937 г. — «терялись», а стрельбу на поражение по ненаблюдаемым целям (как признал июльский приказ командующего ОКДВА В. К. Блюхера об итогах зимнего периода обучения 1936/37 учебного года) вообще не отработали. (И неудивительно: аналитическими методами подготовки исходных данных овладело лишь «незначительное количество командиров».)⁶⁷ В артиллерии передового КВО в первой половине 1937-го тоже были «приучены» стрелять только «по прекрасно видимым мишеням» и не умели стрелять ночью⁶⁸.

Что же до общих оценок, то «посредственно» и «плохо» комсостав артиллерии РККА заработал бы и в конце 1936 г. Качество стрельб, проводимых командирами батарей и дивизионов, констатировал в докладе от 7 октября 1936 г. «О боевой подготовке РККА» М. Н. Тухачевский, лишь удовлетворительное (т. е. тоже посредственное. — А. С.), а командиры взводов и орудий «резко отстают в своей огневой подготовке»⁶⁹. И это при том, что в ар-

⁶⁴ Там же. С. 55, 83, 89, 90.

⁶⁵ РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 579. Л. 412.

⁶⁶ РГВА. Ф. 37464. Оп. 1. Д. 12. Л. 76; Ф. 31983. Оп. 2. Д. 214. Л. 25; Ф. 9. Оп. 36. Д. 1724. Л. 63.

⁶⁷ РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 614. Л. 87 (второй из двух листов, имеющих этот номер).

⁶⁸ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г. Документы и материалы. М., 2006. С. 53.

⁶⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4227. Л. 33–34.

тиллерии РККА тогда были широко распространены очковгирательство и завышение результатов стрельб⁷⁰.

Техническая выучка. Для 1940 г. она известна нам лишь для КДФ — Г. М. Штерн доложил на декабрьском совещании «об очень поверхностных знаниях материальной части артиллерии и снарядов даже старшим командным составом»⁷¹.

Но в 1936-м ситуация здесь была еще хуже! «Усвоение матчасти — слабо; знание снарядов и взрывателей — неудовлетворительно; [...] уход за матчастью и эксплуатация матчасти — неудовлетворительно», — значилось в докладе В. Нестерова от 8 ноября 1936 г. «О подготовке артиллерии ОКДВА в 1936 году»⁷². Не лучше, чем к концу 1940-го, обстояли здесь дела и накануне чистки РККА. «Техническая подготовка ком[андного] состава и в первую очередь знание свой материальной части, — констатировали в апреле 1937 г. в «Материалах по боевой подготовке артиллерии» работники штаба ОКДВА, — лучше, чем в прошлом году, но еще слабы»⁷³...

Тактическая подготовка. «Артиллерийские командиры всех степеней», отметил на декабрьском совещании 1940 г. генерал-инспектор артиллерии Красной Армии М. А. Парсегов, «недостаточно подготовлены в тактическом отношении»⁷⁴.

Однако в трех крупнейших военных округах тактическая выучка командиров-артиллеристов была слаба и в начале 1937 г. Для ОКДВА она прямо названа «неудовлетворительной» — в составленных в апреле 1937-го в штабе этой армии или аппарате начальника ее артиллерии «Материалах по боевой подготовке артиллерии»⁷⁵. Для КВО это вытекает из приказа И. Ф. Федько № 0100 от 22 июня 1937 г., отметившего «слабую подготовку по управлению огнем» и «неотработанность» даже и «главнейших вопросов взаимодействия» с другими родами войск⁷⁶. На первую половину года следует распространить и оценку годового отчета БВО

⁷⁰ Смирнов А. А. Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 — первая половина 1937 года). Т. I. М., 2013. С. 234–237.

⁷¹ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). С. 83.

⁷² РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 579. Л. 413.

⁷³ РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 614. Л. 59.

⁷⁴ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). С. 37.

⁷⁵ РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 614. Л. 57.

⁷⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 2611. Л. 250 (2).

от 15 октября 1937 г. («Командный состав артиллерии в тактическом отношении подготовлен недостаточно»⁷⁷). Ведь все перечисленные в обоснование этой оценки изъяны у состава артиллерии БВО встречались еще в 1936-м.

2. ВОЙСКА

А. Пехотинцы

Тактическая выучка. Как явствует из выступлений на декабрьском совещании 1940 г. командующего войсками Приволжского военного округа В. Ф. Герасименко, выучка *одиночного бойца* советской пехоты «не стояла на должной высоте». И. Н. Музыченко же прямо заявил: «Мы получаем слабо обученного бойца», боец «не обучен»⁷⁸.

Соответственно, слабой была к концу 1940 г. и выучка пехотных подразделений. Осенние тактические учения в КОВО, Западном особом военном округе (ЗОВО), других приграничных округах и Московском военном округе (МВО) показали, что и одиночный боец, и мелкие подразделения плохо умеют вести ближний бой, преодолевать заграждения, блокировать доты и дзоты, пренебрегают самоокапыванием и маскировкой, не умеют применяться к местности и передвигаться перебежками⁷⁹.

«Боевые порядки в наступательном бою, — отмечалось в приказе наркома обороны № 15 119-с от 27 сентября 1940 г. об итогах августовско-сентябрьской инспекции наркомом войск ЗОВО, — совершенно не отработаны. Наблюдается большая скученность и беспорядочность в движении пехоты, часто последняя наступает толпой»⁸⁰.

Но «слабая подготовка одиночного бойца» советской пехоты прямо констатировалась и в директиве наркома обороны № 400115с от 17 мая 1936 г., и в директивном письме А. И. Егорова от 27 июня 1937 г. «Одиночный боец, — значилось в по-

⁷⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 2529. Л. 174.

⁷⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). С. 58, 75.

⁷⁹ Там же. С. 16; Анфилов В. А. Указ. соч. С. 93–94.

⁸⁰ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). С. 177.

следнем, — в своей подготовке не имеет твердых навыков в перебежках, переползаниях, в выборе места для стрельбы, наблюдения и проч. Особенно слабы маскировка и самоокапывание»⁸¹...

То же и с выучкой мелких пехотных подразделений. В августе — сентябре 1936 г., на Полесских и Белорусских маневрах, начальнику УБП РККА А. И. Седякину тоже бросилось в глаза, что не только «бойцы одиночные», но и «отделения и взводы недоучены». «Тактическая выучка войск, особенно бойца, отделения, взвода, машины, танкового взвода, роты не удовлетворяет меня», — докладывал он 11 сентября 1936 г. К. Е. Ворошилову⁸².

Даже откровенно старавшиеся втереть Москве очки составители годовых отчетов КВО (с июля 1938 г. — КОВО) и ОКДВА (соответственно от 4 октября и 30 сентября 1936 г.) вынуждены были признать, что «вопросы ближнего боя находятся» у них «лишь в стадии освоения», что их пехота имеет лишь «слабые навыки ближнего боя»⁸³. В БВО (с июля 1940 г. — ЗОВО) на Белорусских маневрах в сентябре 1936 г. атакующая пехота тоже демонстрировала вместо ближнего боя «огульно, мало осознаваемое по тактическому своему смыслу, движение вперед». В ОКДВА (по КВО и БВО сведений нет) «совершенное отсутствие» у пехоты «навыков и практических сноровок в искусстве ближнего боя» констатировалось и в отчете штаба этой армии от 18 мая 1937 г.⁸⁴

Неумелое преодоление заграждений в БВО/ЗОВО демонстрировалось и в октябре 1936 г., на больших тактических учениях под Полоцком, а доты и дзоты на этих учениях вообще не блокировали — открыто ломясь на них⁸⁵.

О «навыках» «предрепрессионной» пехоты в самоокапывании, маскировке и перебежках уже говорилось.

Скученность боевых порядков наступающей пехоты в БВО/ЗОВО демонстрировалась еще на знаменитых Белорусских маневрах 1936 года — где, как отмечал А. И. Седякин, пехота наступала, «в сущности, густыми „толпами из отделений“»⁸⁶.

⁸¹ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 40. Л. 49; Ф. 31983. Оп. 2. Д. 203. Л. 58.

⁸² РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 213. Л. 47, 42.

⁸³ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 1759. Л. 87; Ф. 33879. Оп. 1. Д. 583. Л. 11.

⁸⁴ РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 213. Л. 43, 41; Ф. 33879. Оп. 1. Д. 584. Л. 26.

⁸⁵ Там же. Л. 93, 87.

⁸⁶ РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 213. Л. 47.

«Надо прямо сказать, товарищи, — подытоживал 19 октября 1936 г., на Военном совете при наркоме обороны, сам К. Е. Ворошилов, — что наша пехота наступать не умеет и не умеет приминяться к местности. Наступление пехоты ведется примитивнейшим, допотопнейшим способом. Я видел пехотные части, наступающие хуже, чем в 1918 году наступали партизанские отряды [...]»⁸⁷.

Огневая выучка. К. А. Мерецков на декабрьском совещании 1940 г. оценил ее как «плохую». Хорошо стреляла только пехота МВО, да в КДФ 47 из 64 проверенных частей получили «положительную оценку» (в 1-й Краснознаменной армии этого фронта «уверенно стреляют из винтовок и станковых пулеметов») ⁸⁸.

Но в 1936 г. в трех крупнейших военных округах, а в первой половине 1937 г. и в них, и в трех следующих за ними по численности войск (Московском, Ленинградском и Харьковском) огневая выучка пехоты тоже была на «низком» или «весьма низком» уровне⁸⁹. Получается, что в 1940 г. в МВО и КДФ она была, возможно, даже лучше, чем перед началом массовых репрессий! Впрочем, даже если хорошие оценки и были завышены (благодаря широко распространенному в довоенной Красной Армии очковтирательству при организации стрельб и/или фальсификации их результатов заинтересованными командными и штабными инстанциями), то и тогда до чистки РККА пехота в этих округах стреляла не лучше. В большинстве частей, заявил 21 ноября 1937 г. на Военном совете при наркоме обороны новый командующий войсками МВО С. М. Буденный, огневая выучка «*продолжает оставаться* [выделено мной. — А. С.] на весьма низком уровне»⁹⁰. В пехоте предшественницы КДФ — ОКДВА — эта выучка на протяжении всего «предрепрессионного» периода также была неудовлетворительной⁹¹.

Дальневосточная пехота в 1940-м все же явно стреляла лучше, чем до репрессий, потому что стреляла «уверенно». А вот майские и июньские проверки 1937-го показали штабу ОКДВА, что

⁸⁷ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г. Документы и материалы. М., 2009. С. 421–422.

⁸⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). С. 26.

⁸⁹ Подробнее см.: Смирнов А. А. Крах 1941 — репрессии ни при чем! С. 106–109.

⁹⁰ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г. С. 31.

⁹¹ Подробнее см.: Смирнов А. А. Крах 1941 — репрессии ни при чем! С. 106, 108.

«основные практические навыки при стрельбе из оружия красноармейцами усваиваются нетвердо, поверхностно»⁹².

В ЗОВО в 1940-м 94,4% проверенных стрелковых частей стреляли на «неуд», но результаты, показанные пехотой этого округа в мае 1937 г., были немногим лучше: за стрельбу из винтовки «неуд» получили 64,2% стрелковых полков БВО, за стрельбу из ручного пулемета — 88,1%, за стрельбу из станкового — 92,1%⁹³ (часть, неудовлетворительно стрелявшая из двух видов стрелкового оружия из трех, и общую оценку по огневой подготовке получила неудовлетворительную).

Б. Танкисты

Тактическая выучка. Осенние учения 1940 г., отметил на декабрьском совещании К. А. Мерецков, показали «удовлетворительную тактическую подготовку танковых подразделений». Правда, он тут же признал, что это они плохо умеют взаимодействовать с пехотными, что подтвердил и начальник Главного автобронетанкового управления Красной армии Я. Н. Федоренко, указавший также на неумение ориентироваться на местности и наблюдать за полем боя⁹⁴.

Однако не более чем удовлетворительной тактическая выучка советских танковых подразделений была и к концу 1936 г.⁹⁵ Не будь даже репрессий, не могла она стать хорошей и к концу 1937-го. Ведь, как констатировалось в директивном письме А. И. Егорова от 27 июня 1937 г., к лету в танковых частях не были сколочены (не пропущены через тактические учения с боевой стрельбой) даже взводы, а в таких крупнейших округах, как БВО и ОКДВА, — и экипажи⁹⁶. Когда же было сколачивать роты?

Неумение взаимодействовать с пехотой танковые подразделения показывали и на Полесских и Белорусских маневрах 1936 г.

⁹² РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 614. Л. 81 об. (второй из двух листов, имеющих этот номер).

⁹³ Подсчитано по: РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 2529. Л. 170–172.

⁹⁴ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). С. 18–19, 42.

⁹⁵ Подробнее см.: *Смирнов А. А. Крах 1941 — репрессии ни при чем!* С. 460–461.

⁹⁶ РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 203. Л. 56.

Как явствует из письма А. И. Егорова, не отработали они его и к началу чистки РККА⁹⁷.

«Из рук вон плохие» навыки наблюдения из танка констатировались и в докладе М. Н. Тухачевского от 7 октября 1936 г. «О боевой подготовке РККА», и все в том же письме А. И. Егорова от 27 июня 1937 г. В 2 из 7 танковых соединений БВО неумение ориентироваться на поле боя в 1936-м было продемонстрировано даже на тщательно отретепетированных Белорусских маневрах⁹⁸.

Огневая выучка. Осенние проверки 1940 г., осуществлявшиеся и командованием округов, и Москвой, показали, что в большинстве танковых соединений танкисты стреляют на «хорошо» и «отлично», но в 20% соединений и частей — «плохо»⁹⁹.

Но даже если результаты стрельб и были завышены, то и тогда они были никак не хуже, чем перед началом массовых репрессий. Ведь в 1936 г. даже в передовом КВО — и даже согласно его же очковтирательскому годовому отчету от 4 октября 1936 г.! — из пулемета танкисты стреляли только на «удовлетворительно», а из пушки — «слабее», чем из пулемета (т. е. на «неуд»!)¹⁰⁰. Приказ комвойсками КВО № 0100 от 22 июня 1937 г. прямо констатировал, что огневая выучка танкистов находится «на низком уровне»; в 2 из 3 освещаемых источниками танковых частях БВО результаты стрельб тогда тоже были неудовлетворительными¹⁰¹.

Техническая выучка. На декабрьском совещании 1940 г. К. А. Мерецков констатировал «вполне удовлетворительную подготовку» механиков-водителей к вождению в горно-лесистой и болотистой местности¹⁰². Однако перед началом массовых репрессий, согласно директивному письму А. И. Егорова от 27 июня

⁹⁷ РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 213. Л. 68.

⁹⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4227. Л. 34; Ф. 31983. Оп. 2. Д. 213. Л. 58; Д. 215. Л. 63; Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г. С. 37, 424.

⁹⁹ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). С. 41.

¹⁰⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 1759. Л. 94.

¹⁰¹ Там же. Д. 2611. Л. 249 об. (1 об.); Д. 2549. Л. 15, 14; Ф. 35150. Оп. 1. Д. 16. Л. 17–18 об., 15; Ф. 37464. Оп. 1. Д. 26. Л. 73.

¹⁰² Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). С. 18.

1937 г. (подтверждаемому здесь и новым командованием КВО), танкисты РККА овладели вождением «только по ровной и слегка пересеченной местности»¹⁰³ ...

Точно так же не выявлено ухудшения к 1941 г. по сравнению с 1936 — первой половиной 1937 г. боевой выучки инженерных войск, войск связи и одиночного бойца и подразделений артиллерии¹⁰⁴.

Подчеркнем также, что ухудшения боевой выучки сухопутных войск Красной Армии не обнаруживается при сравнении «предрепресссионного» уровня не только со второй половиной 1940 г., но и:

- со второй половиной 1937 г.,
- второй половиной 1938 г.,
- летом 1939 г.,
- осенью 1939 г. и — зимой 1939/1940 г.¹⁰⁵

Исключение обнаружилось лишь одно — выявившееся в 1938 г. неумение высшего комсостава принимать адекватные решения при изменении обстановки в ходе операции. Однако оно оказалось явлением преходящим. К 1941-му — как явствует из подробно разбиравшей изъяны выучки высшего комсостава директивы наркома обороны № 503138/оп от 25 января 1941 г. «Об итогах и задачах оперативной подготовки высшего командного состава Красной Армии» — оно уже заметным не было¹⁰⁶.

Таким образом, *детальное исследование боевой выучки сухопутных войск Красной Армии перед массовыми политическими репрессиями 1937–1938 г. и после них показало, что в ходе репрессий и после них эта выучка не ухудшилась, а осталась в целом на прежнем, весьма низком уровне*. В отдельных аспектах она, возможно, даже улучшилась! Можно, по-видимому, говорить о некотором улучшении к концу 1940 г. по сравнению с «предрепресссионным» периодом технической выучки комсостава артиллерии, полевой выучки механиков-водителей танков и специальной выучки бой-

¹⁰³ РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 203. Л. 56; Ф. 4. Оп. 18. Д. 62. Л. 430, 431; Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г. С. 51.

¹⁰⁴ Подробнее см.: Смирнов А. А. Крах 1941 — репрессии ни при чем! С. 450–452, 465–469.

¹⁰⁵ Подробнее см.: Там же. С. 31–405.

¹⁰⁶ Подробнее см.: Там же. С. 186–188, 406–412.

ца-сапера и саперных подразделений¹⁰⁷. Впрочем, сделать окончательный вывод здесь можно только после детального изучения документов Артиллерийского, Автобронетанкового и Инженерного управлений РККА (с июня—июля 1940 г. — соответственно Главное артиллерийское, Главное автобронетанковое и Главное военно-инженерное управления Красной Армии) — которые были нами изучены лишь в незначительной степени или (в случае с Инженерным/Главным военно-инженерным управлением) не изучены вовсе.

Наш вывод о том, что боевую выучку сухопутных сил Красной Армии массовые политические репрессии 1937–1938 гг. не ухудшили, до сих пор остается никем не опровергнутым. Пытаясь доказать в своих работах о репрессиях в Ленинградском военном округе (ЛВО) и их последствиях¹⁰⁸ гибельность репрессий для боеспособности войск ЛВО, В. С. Мильбах, А. М. Григорян и А. Н. Чернавский повторили те же методологические ошибки, что и В. С. Мильбах в аналогичной работе 2007 года об ОКДВА/КДФ. Повествуя о низком уровне организации управления войсками и боевой выучки, а также о плачевном состоянии техники и вооружения в «послерепрессионном» ЛВО, они опять не сравнивают «послерепрессионную» ситуацию с «предрепрессионной» (хотя и приводят ряд сведений, характеризующих боевую выучку 98-го кавалерийского полка и артиллерии ЛВО к концу зимнего периода обучения 1936/1937 учебного года. Кстати, артиллерия, по этим сведениям, оказывается подготовленной не лучше, чем после начала репрессий!)¹⁰⁹.

Мало того, состояние боевой выучки войск ЛВО во время массовых репрессий и сразу после них (вторая половина 1937–1939 гг.) тоже детально не исследуется. Вместо изучения уровня выучки командиров, штабов, одиночного бойца и подразделе-

¹⁰⁷ Об изменении уровня выучки бойца-сапера и саперных подразделений см.: Смирнов А. А. Крах 1941 — репрессии ни при чем! С. 466–467.

¹⁰⁸ Чернавский А. Н. К вопросу о влиянии массовых политических репрессий на состояние боеспособности войск Ленинградского военного округа накануне Второй мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 7. Ч. 1. Тамбов, 2012; Григорян А. М., Мильбах В. С., Чернавский А. Н. Политические репрессии командно-начальствующего состава 1937–1938 гг. Ленинградский военный округ. СПб., 2013.

¹⁰⁹ Григорян А. М., Мильбах В. С., Чернавский А. Н. Указ. соч. С. 176–190.

ний различных родов войск и уровня боеготовности войск, авторы ограничиваются тем, что приводят сведения по артиллерийским частям на август 1937 г., на конец зимнего периода обучения 1938/1939 учебного года и на лето 1939 г., отрывочные сведения по ВВС ЛВО на март и июнь 1938 г., сведения по огневой подготовке войск округа на июнь 1938 г. и сведения по 9-й механизированной бригаде на август 1938 г.¹¹⁰ Такую информацию приходится признать отрывочной, недостаточной для выводов об уровне боевой выучки войск целого округа.

Соответственно, вывод Мильбаха, Григоряна и Чернавского об отрицательном влиянии чистки РККА на деятельность органов управления войсками, «состояние эксплуатации» техники и вооружения и боевую подготовку¹¹¹ приходится признать бездоказательным.

Характерно, что Мильбах и его соавторы никак не отреагировали на нашу критику «методологии», использованной Мильбахом для обоснования тезиса об ухудшении в результате репрессий боевой выучки ОКДВА/КДФ и самого этого тезиса. Здесь им явно возразить было нечего.

Правда, Мильбах и его соавторы подвергли критике другой наш вывод¹¹² — о том, что репрессии нельзя считать одной из причин (и тем более главной причиной) разгрома Красной Армии в 1941 г., а также малоуспешных действий советских войск в боях на Хасане в 1938 г. и в войне с Финляндией в 1939–1940 гг. Аргументировали они это тем, что боевая выучка есть лишь один из компонентов боеспособности войск¹¹³.

Но, во-первых, влияние репрессий 1937–1938 гг. на неудачные боевые действия Красной Армии в 1938–1941 гг. в нашей стране усматривают именно в ухудшении боевой выучки, вызванном снижением качества командных кадров, организующих боевую подготовку. А не в понижении из-за репрессий степени укомплектованности войск и их дисциплины — каковое понижение подчеркивают Мильбах и его соавторы. Если они придерживаются иного мнения, им следовало его обосновать.

¹¹⁰ См.: Григорян А. М., Мильбах В. С., Чернавский А. Н. Указ. соч. С. 188–190.

¹¹¹ Там же. С. 178, 186, 190.

¹¹² Смирнов А. А. Крах 1941 — репрессии ни при чем! С. 477–478.

¹¹³ Чернавский А. Н. Указ. соч. С. 214; Григорян А. М., Мильбах В. С., Чернавский А. Н. Указ. соч. С. 176–177.

Во-вторых, Мильбах, Григорян и Чернавский не показали, в какой мере недоукомплектованность войск ЛВО к началу советско-финляндской и Великой Отечественной войн была обусловлена репрессиями, а в какой — начавшимся после 1937 г. быстрым количественным ростом Красной Армии. Собственно, вопрос о степени укомплектованности войск ЛВО на 30 ноября 1939 г. и на 22 июня 1941 г. авторы вообще не рассматривают и соответствующих сведений не приводят! А без этого говорить об отрицательном влиянии репрессий на боевые действия войск ЛВО в силу понижения степени их укомплектованности вообще нельзя.

В-третьих, Мильбаху и его соавторам не удалось доказать, что «с развертыванием политических репрессий состояние воинской дисциплины в ЛВО ухудшилось»¹¹⁴. Для этого надо было как минимум сравнить динамику нарушений дисциплины в 1937–1939 гг. с динамикой ее хотя бы в 1935–1936 гг. Такое сравнение сделано, однако, лишь при показе динамики чрезвычайных происшествий в 1935–1938 гг., причем вывод об ухудшении дисциплины из-за репрессий на основании этого сравнения сделать нельзя: резкий рост числа ЧП в частях ЛВО начался еще в 1936 г., а в 1938-м ЧП произошло значительно меньше, чем в 1936-м¹¹⁵. Да и вообще рост числа нарушений дисциплины мог быть вызван не репрессиями, а субъективными причинами вроде кампании по борьбе за дисциплину, когда фиксируются и те нарушения, которые раньше «не замечались» ...

Публицист Б. Н. Шапталов (в не слишком, правда, корректной форме) поставил важный вопрос: а может быть, без репрессий к 1941 г. Красной Армии удалось бы достичь более высокого уровня боевой выучки, чем в реальности, — а не застрять тут на уровне 1936 — первой половины 1937 г.¹¹⁶? Но предположить такое мешает то обстоятельство, что в 1935 — первой половине 1937 г. прогресса в боевой выучке в РККА не наблюдалось. Прочитай публицист внимательно нашу монографию 2011 года, он, возможно, убедился бы в этом и сам — хотя, безусловно, нам следовало подчеркнуть указанное обстоятельство особо. Отчасти это упуце-

¹¹⁴ Григорян А. М., Мильбах В. С., Чернавский А. Н. Указ. соч. С. 195.

¹¹⁵ См.: Там же. С. 191–195.

¹¹⁶ Шапталов Б. Н. Военный заговор Сталина. Зачем Вождь спланировал катастрофу 1941 года. М., 2013. С. 238.

ние исправлено нами в монографии, посвященной боевой выучке «предрепрессионной» РККА¹¹⁷, где вывод об отсутствии прогресса в этой выучке (и не только с 1935-го, но и с 1934-го, а то и с 1929–1930 гг.) подкреплен к тому же гораздо большим количеством фактического материала.

Несерьезным выглядит утверждение А. В. Ганина о том, что наш тезис «об отсутствии ущерба Красной армии от репрессий» опровергается «уже одним тем», что в ходе репрессий были расстреляны «такие крупные военные мыслители, разрабатывавшие современные для той эпохи и успешно примененные на практике военные теории, как Н. Е. Варфоломеев, С. А. Меженинов, А. А. Свечин»¹¹⁸. Разумеется, ничего хорошего потеря их Красной Армии не принесла. Но, во-первых, хотелось бы знать, когда и какие конкретно разработки указанных ученых были «успешно применены» Красной Армией на практике. Во-вторых, проблемой довоенной Красной Армии вообще была не нехватка отвечающих условиям современной войны теоретических разработок, а применение их на практике, воплощение их в жизнь. В-третьих, изучение того, что должно было основываться в том числе и на разработках Варфоломеева, Меженинова и Свечина, — состояния боевой выучки Красной Армии — показывает, что как при Варфоломееве, Меженинове и Свечине, так и без них эта выучка была одинаковой...

Таким образом, серьезной критики наш вывод о том, что боевую выучку сухопутных сил Красной Армии репрессии 1937–1938 гг. не ухудшили, пока не встретил.

¹¹⁷ Смирнов А. А. Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 — первая половина 1937 года). Т. 1. М., 2013. С. 108–110, 113.

¹¹⁸ Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016. С. 352.